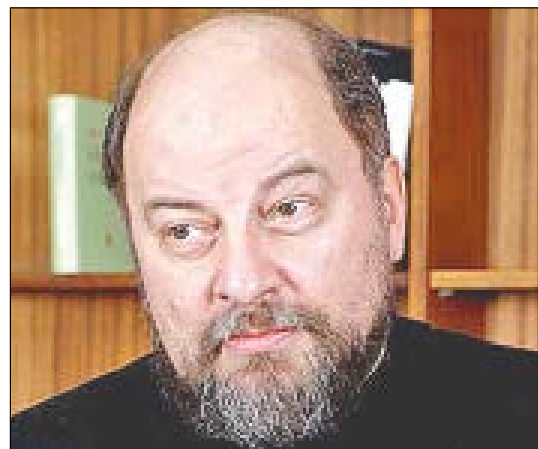

СОБЕСЕДНИК

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

«Мы вступили в новую эру, но этого пока не поняли»

Александр Николаевич ПРИВАЛОВ – научный редактор журнала «Эксперт», один из наиболее авторитетных публицистов, последовательно освещающих проблемы русского образования. Мы беседуем о рубеже, на котором находится гуманитарное образование в России, нерешённых задачах и открывающихся возможностях.

— Александр Николаевич, недавно один авторитетный учитель литературы высказался в том духе, что «в нынешних условиях крушения гуманизма» словеснику только и осталось воспитывать себе приемлемых собеседников. А вы каким видите назначение предмета «Литература»?

— Мне не нравится то, что вы процитировали, потому что мне всегда казалось, что цель работы учителя внеположна самому учителю, что учитель – одна из наименее эгоцентрических профессий. Поэтому учитель, который говорит о своей работе, как о чём-то приятном прежде всего для себя, меня несколько фразпирует. Но я понимаю, что это чистоплюйство и не важно, чем человек руководствуется – была бы польза... Если ему нравится воспитывать собеседников – пусть воспитывает. А вот чем должна быть литература в школе – важный вопрос. Дело в том, что государственная школа имеет двойное назначение. Школа, с одной стороны, направлена на социализацию младенца (обобщённо говоря) – понятие, что школа не единственный инструмент социализации, но основной. И это правильно.

Но это лишь часть задачи. Вторая часть – это создание нации. Школа – наиболее образующий институт. В каждой стране люди разные, и родители и детей разные, и разные у них убеждения. Но, пройдя единую общую школу, люди воспитываются пусть не как готовые, но как полуготовые граждане единого коллектива нации. В той машине, которую представляла собой советская школа, на русскую литературу ложилась, возможно, даже чрезмерная нагрузка... потому что, по ещё более давней, чем советская, традиции, школа в нашей стране должна была дать ступок знаний, вокруг которого и складывалось мироощущение, поведение, и в этом ступке гигантская роль была за литературой. Никто не считал, что нацию объединяет второй закон Ньютона, но все считали, что нацию объединяет роман Чернышевского «Что делать?». И то и другое – ошибка. Что теперь?

Теперь хуже. Про советское время можно сказать много дурного, но никому в голову не приходило, что в рамках тогдашней – пусть и обветшавшей – системы возможны массовые антиобщественные движения. Например, межнациональные конфликты. Не существовало и проблемы самоидентификации. Теперь, когда проблема самоидентификации страной не решена, а жителями решается каждым в меру своего понимания, роль литературы должна была бы повышаться. А она, напротив, понижается, поскольку реформаторы образования занимаются только тем, что могут сосчитать. А литература – вещь несчитаемая. И литература была убрана ровно тогда, когда она оказалась нужна. Литература – негодное средство для воспитания единства мировоззрения, она даёт лишь почву для разумных мировоззрений. Но она уж точно могучее средство самоидентификации, цивилизации. Сам набор опций поведения у человека начитанного и нечитанного – разный. И предпочтительно, чтобы перед тем, как метнуть кирпич в голову ближнего, человек перебрал в голове другие варианты.

— Единый учебник литературы, единый литературный канон – необходимы ли они?

— При сколько-нибудь толковом учителе учебник литературы никогда не был нужен. Говорить о единых учебниках – прежде всего таких тонких материй, как литература, – в условиях, когда немыслимо растёт дифференциация детей, – вряд ли возможно.

Теперь про некий неразрываемый корпус, ядро классики. Ну, разумеется, оно должно быть едино. Иначе это не канон. И, разумеется, там должен быть, например, Чехов. Но я совершенно не уверен, что именно из Чехова там должно быть. И не уверен, что это надо жёстко навязывать. Скорее, рекомендовать. Я, например, не представляю русского гражданина, не читавшего «Войну и мир». Но я плохо представляю себе и рядового учителя, который сегодня добьётся, чтобы его ученики прочитали «Войну и мир»... Я могу быть не прав, но исхожу из того, что вижу у современных словесников. Чтобы читать, дитя должно быть потрясено. И если учитель не умеет потрясти – он не заставит детей читать. В «Войне и мире» масса бриллиантов, но если учитель не умеет их показывать каждые полторы минуты – детям будет неинтересно.

Окончание на стр. 2

Обетованная земля Островского

«Я не знаю меры той радости, друзья мои, какую почувствовал бы я, если бы увидел вас в этих обетованных местах», – так писал А.Н. Островский весной 1848 года, впервые посетив купленную отцом усадьбу Шельково. Начинающего драматурга особенно восхитила природа: «Что за реки, что за горы, что за леса... Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он давно бы превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии». Стоял май, и в дневниках Островского восторженные записи: «У нас защедела черёмуха, которой очень много подле дома, и восхитительный запах её как-то короче знакомит меня с природой... Каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб речки – очаровательны, каждая мужичья физиономия значительна (я послых не выдал ещё), и всё это ждёт кисти, ждёт жизни от творческого духа...» И деревянный усадебный дом, по мнению драматурга, «удивительно хорош как снаружи оригинальностью архитектуры, так и внутри удобством помещения». Двадцатипятилетний Александр Островский пережил тогда чувство полной радости, и уже через несколько лет картины костромской природы, прелестные городские и сельские виды найдут отражение в пьесе «Гроза». А через четверть века эти впечатления откликнутся в «Снегурочке», весенней сказке, которую Островский написал уже в зрелом пятидесятилетнем возрасте. Воспоминание о Шелькове в цвету жило в душе писателя всегда.

В 1867 году Александр Николаевич вместе с братом Михаилом Николаевичем, впоследствии выдающимся государственным деятелем, становятся совладельцами усадьбы. Другу, актёру Александринского театра Ф.А. Бурдину, Островский писал: «Мы с братом купили у мачехи наше великодушное Шельково; вот мне приют, я буду иметь возможность заниматься скромным хозяйством и бросить, наконец, свои изнуряющие драматические труды, на которые я убил бесплодно лучшие годы своей жизни». Однако трудов своих Островский не оставил, а приобретение дорогого сердцу Шелькова вызвало подъём его жизненных и творческих сил: далее следуют очень плодотворные полтора десятилетия, когда он ежесюдно пишет одну или две оригинальные пьесы, над большинством из них работая в любимой усадьбе. За эти годы написаны «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги», «Лес», «Поздняя любовь», «Последняя жертва», «Волки и овцы», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые», «Красавец-мужчина», «Сердце не камень» и другие.

Жизнь в усадьбе давала многое: возможность наблюдать крестьянский быт, посещать народные гулянья, где он собирал народные слова, записывал песни, заумал и вынашивал в течение многих лет дорогое ему произведение – сказку «Снегурочка». Среди крестьян у Островского были друзья, например, многолетняя дружба связывала драматурга с Иваном Викторовичем Соболевым, крестьянином села Николо-Бережки, мастером-краснодеревщиком.

ДО САМОЙ СУТИ

Невыносимый

Ставка на усреднённость, заурядность, сделанная в наши дни, препятствует осознанию и притию любой неординарности. Что уж говорить о притягательной и отталкивающей

фигуре гения! Как передать владельцам 5-го айфона, привыкшим ответы получать в виде информационного фастфуда, космическую «мрачность» Лермонтова?

«ВЕНОК
НЕБРЕННОЙ СЛАВЫ»

Ни в какой семье не ждёт рождения гения. Он – «беззачаточная комета». Михаилу Лермонтову на роду была написана военная карьера. Его предки – офицеры и генералы – «прописали» эту модель в генах на следники рода Столыпиных. Даже губернёр Мишеля был наполеоновский гвардеец Жан Капе (который любил жаркое из молодых галчат и тщетно пытался привить свой вкус воспитаннику).

Если последовательно прочитать поэта и проследить его поступки, приходишь к выводу, что он мистически знал о кратковременности своего пребывания в земной юдоли. С отроческих лет его стихи переполнены предсказаниями ранней смерти. Задолго до знаменитого «свинцом в груди лежал недвижим я», где описан выход из физического тела, летом 1830 г. в подмосковном Середникове написана первая часть триптиха «Ночь»: «Я зрел во сне, что буд-то умер я...»

Возможно, этим сознанием кратковременности объясняется и то, что Лермонтов всегда и везде хотел первенствовать. Где, как не на военном поприще, слава достигима скорее всего? Служба в гвардии, куда Лермонтов позволял вступить происхождение и бабушкино состояние, общела блистательную и – главное – стремительную карьеру. К тому же для молодых дворян именно военная карьера была наипрестижной. В октябре 1832 г. Лермонтов писал М.А. Лопухиной: «...если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди!» И ведь сдержал клятву! Кстати, бабушка, вопреки распространённому заблуждению, вовсе не радовалась военной карьере Мишеньки, а, напротив, скрепя сердце приняла выбор внука, которому не перечила ни в чём.

Однако и сам Лермонтов принял решение стать военным не сразу. Он называл литературную карьеру «неблагодарным кумиром», прекрасно зная ей цену хотя бы на примере боготворимого Пушкина, наблюдавшего ченчию которого из толпы упал в обморок (а позже и получил из-за Пушки-

на свою первую ссылку). Но всё же, несомненно, думал о ней в своём неистребимом мечтании о венке «небрежной славы!» Ведь не только Пушкин, но и самый знаменитый поэт своего времени – лорд Байрон – был его земным покровителем. Школе прапорщиков предшествовала учёба во вполне «статских» заведениях – Университетском пансионе и собственно Московском университете.

Этот период представляет собой сплошные белые пятна, как, впрочем, и значительная часть биографии поэта. Достаточно сказать, что истинная причина роковой дуэли до сих пор не выяснена. Исследователь Н. Бродский так прямо и писал: «Годы пребывания М.Ю. Лермонтова в Университетском благородном пансионе (1828–1830) – столь же мало изученная страница в биографии поэта, как и другие периоды в его жизни». Чудовищные разноречия царят и в том, какова истинная причина ухода Лермонтова из университета. Был ли он исключён или ушёл своей волей? Одни мемуаристы пишут, что Лермонтов хотел перевестись в Петербург, но там надо было на-

чинать курс сначала, а восемнадцатилетний юноша торопился жить и спешил чувствовать. Другие утверждают, будто его, в ком ещё никто не подозревал гения русской поэзии (а сорок стихотворений уже были переписаны в особую тетрадь), вышибли за вольнодумство и высокомерие. Третьи – что Лермонтов оставил на второй год на первом курсе из-за «академической неупевности».

«СРЕДЬ ДЕТЕЙ
НИЧТОЖНЫХ МИРА»

Любить гения – «тяжёлый крест», и первопричина этих трудностей, конечно же, сам гений. В житейском измерении характер большинства выдающихся дарований невыносим. Но когда гений уже проявился – куда ни шло. А «скрытый период» гениальности ни о чём, кроме «тяжёлого характера», окружающим не говорит.

Марина Цветаева – сама непревзойдённый мастер невыносимости – в мемуарах об Андрее Белом вспоминает ангела из «Чудесного посещения» Герберта Уэллса, который «в земном бытовом окружении был просто непристой!» Смешно требовать, чтобы современники «угадали» гения при жизни. Жизнь – ежедневная повинность с кучей обязанностей. Гений – праздник, который далеко не всегда «с тобой». Он пытается жить нашу жизнь, совать голову в хомут социальности. На нём те же, что

У Соболева Островский учился столярному ремеслу, а также приносил ему пьесы словно бы на проверку: «Нет ли фальши какой в простонародном выговоре».

Почти четыре десятилетия жизни Островского связаны со Шельковым. Приезжая в усадьбу вместе с семьёй на лето, он отдыхал, занимался ведением хозяйства, радушно встречал родственников и друзей, но главное – много и успешно работал, создавая шедевры драматического искусства.

Сейчас каждый может приехать в музей-заповедник «Шельково», чтобы приобщиться к творческой атмосфере этого места, посетить дом, в котором жил и работал великий русский драматург. Пройдя по комнатам дома, убедиться, что он создаёт впечатление жилого: обилие цветов и света, чистота и уют... Но самое главное – рабочий кабинет, тихая комната с чуть зашторенными окнами, где его письменный стол, полочка с книгами, всё необходимое для работы. Здесь много вещей, которые принадлежали Островскому и которые продолжают хранить память о своём владельце. Среди них есть особая дорожка – выполненные руками самого драматурга. Он с удовольствием занимался выпиливанием, делал рамочки для фотографий, ножи для резания бумаги и другие вещи, к тому же неплохо владел столярным ремеслом. Дом передаёт духовную и творческую атмосферу, некогда царившую здесь.

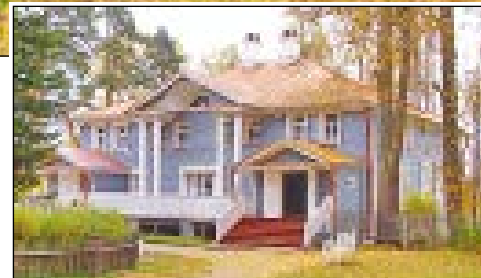
У посетителей заповедника есть возможность прогуляться по усадебному парку с тенистыми аллеями, уютными беседками, мостиками и скамейками, посетить одно из самых живописных мест – обрыв, откуда открывается редкой красоты вид на живописный луг, на пруд с островком, речку Кукую и далее – на бескрайние леса. Разнообразные перспективы, позволяющие любоваться живописными пейзажа-

ми, – одна из особенностей парка. Весной здесь можно увидеть цветущие ландыши, которые так любил Островский.

Неподалёку от усадебного дома, в селе Николо-Бережки находится храм Святого Николая, построенный в 1792 году. Именно этот храм посещал Островский вместе с семьёй. Скончался драматург в своём кабинете, за рабочим столом. Последний земной приют А.Н. Островского – в церковной оградке неподалёку от храма, сейчас здесь фамильное захоронение Островских.

В Николо-Бережках открыт этнографический музей – «Дом Соболева». Зародился он в недрах Дома А.Н. Островского: предмете крестьянского быта приобретались сотрудниками в окрестных деревнях и сёлах, их экспонировали в небольших комнатах – кладовой и людской. А когда крестьянский дом семьи Соболевых был восстановлен, вещи вернулись в родную среду. Со временем была собрана замечательная коллекция этнографических предметов, которые удивляют нас своей неброской красотой. Кроме домашней утвари, орудий труда, народного костюма здесь представлены личные вещи большой и талантливой семьи Соболевых. Гости музея бывают рады, когда видят эти предметы и вспоминают, что такие же были в родительском или бабушкином доме, это пробуждает в их душе самые тёплые и дорогие чувства.

В музей-заповеднике рады посетителям любого возраста. Кроме традиционных экскурсий по экспозициям и выставкам старшекласникам, изучающим творчество драматурга в школе, предлагается программа «Исследуем Островского», цель которой – дать более широкое представление о его творчестве, также атмосфере, в которой он жил и творил. Она предусматривает тематическую экскурсию по Дому Островского, прогулку по парку, беседу по пьесе «Доход-

ное место» с представлением театрализованного отрывка и пьесе «Бесприданница» с просмотром отрывков из одноимённого фильма Я.А. Протазанова.

Программа «В дворянской усадьбе» адресована учащимся среднего звена, она поможет почувствовать и понять, что такое русская дворянская усадьба, это очень важно для уроков литературы и истории. Ребята имеют возможность погрузиться в атмосферу усадебной жизни, познакомиться с её укладом, предметами и атрибутами, на свежем воздухе поиграть в дворянские игры.

Дети младшего возраста особенно любят приезжать зимой, когда можно встретиться с любимой сказочной и праздничной героиней – Снегурочкой. Вместе с ней они играют в старинные игры и водят хороводы, помогают им в этом весёлая Берендейка. В мастерской Снегурочки они своими руками делают куклы и возьмут её с собой. Как правило, дети приезжают с родителями, бабушками и дедушками. Изготовление куклы в народных традициях – их совместный труд, который сближает всю семью. И как приятно бывает потом читать отзывы: «Большое спасибо вам за сохранение традиций. Меня сюда привозили родители двадцать пять лет назад. Сейчас привёз троих своих детей, и, надеюсь, они покажут это заповедное место своим. Спасибо!»

Нина ТУГАРИНА,
музей-заповедник «Шельково»

на нас, «панталоны, фрак, жилет» (мундир, пальто). Он почти неотличим «среди детей ничтожных мира». Природа гения тайнственна и неисследима. Как ведёт себя мальчик, только что написавший:

Лицо моё вам не могло
Сказать, что мне
пятнадцать лет.

На каком «всесожигающем костре» он сгорал, пока рука вводила эти строки? Какие муки испытывал «от страшной жажды песнопенья»? Какие чисто физиологические изменения происходят в организме художника при колоссальном энергетическом и эмоциональном «выбросе», которым сопровождается творческий акт?

Окончание на стр. 3

Современная книга в жизни школьника

Пусть чтение мы с учениками начали проходить с помощью современной детской и подростковой литературы. Именно современная детская литература могла показать школьникам, что книга может стать их собеседником и советчиком. Подводя итоги 2013/14 учебного года, я расскажу о некоторых темах, которые мы обсуждали с учениками.

Образы счастливых семей непросто отыскать в отечественной детской литературе. Тема семьи российскими детскими писателями зачастую раскрывается драматично, отношения подростков с родителями вырастают через преодоление отчуждения, разрыва связи между поколениями. Однако не менее значима в творчестве отечественных писателей тема обретения семьи. В 2013 году метапредметная детско-взрослая читательская конференция «Современная литература и Я-читатель» была посвящена книгам Дины Сабитовой. Команда моих учеников 5, 6, 9, 10-х классов, выполняя задания заочного тура конференции, готовила проект «Тема ребёнка-сироты в современной детской-подростковой литературе: традиции и новаторство». Каждый из 10 участников конференции прочёл произведения русской и зарубежной детской литературы XIX–XXI вв. о сиротах, выявляя черты сходства и отличия в раскрытии образов детей, описании особенностей отношения окружающих к ним.

Повести Дины Сабитовой «Где нет зимы», «Три твоих имени», «Цирк в шкатулке», Светланы Ананич «Подобный льву», Николая и Светланы Пономарёвых «Боюшься ли ты темноты?», Олега Райна «Отроки до потолка», «Слева от солнца», «Телефон доверия», Сергея Сухинова «Вожак и его друзья» поднимают болезненные и острые вопросы детского сиротства. Эти книги тронули, озадачили моих учеников: столько рядом с ними боли и одиночества, о которых ребята и не задумывались! Современные авторы продолжают лучшие традиции классической детской литературы: помогают подросткам открывать жизнь, учат мудрости, милосердию, состраданию. Образы сирот в детской прозе — образы борцов за обретение семьи, дома, друзей, а не пассивных жертв обстоятельств. Важно, что юный читатель с помощью мудрых писателей видит образцы для подражания. Герои Олега Райна проходят путь к людям и способным брать на себя ответственность за жизнь и здоровье друзей, а герои Сухинова спасают команду беспризорников от расформирования и находят ей покровителя.

Современная детская литература поднимает важные вопросы поведения в обществе

подростков, исследует причины их дурных поступков, плохой успеваемости, показывает пути к разрешению конфликтных ситуаций, преодолению трудностей в общении с окружающими. Ученик 6-го класса читал о «трудных подростках» в повестях Екатерины Мурашовой «Класс коррекции», Луиса Сашара «Ямы», «Я не верю в монстров». Школьник пришёл к заключению: подросткам, оказавшимся в группе «трудных», непросто самостоятельно справиться со сложностями в по-

никами дружба понимается как настоящая ценность. Только зачастую общение детей становится виртуальным: многие школьники захвачены перепиской в социальных сетях, компьютерными играми, поэтому возникает опасность неумения дружить в реальной жизни, помогать окружающим и понимать свою ответственность перед ними.

Современные писатели не обходят стороной особую роль компьютеров, интернета в жизни современных подростков и помога-

ведению, учёбе. Зачастую у этих детей нет поддержки семьи, близких, дети нуждаются в серьёзной помощи окружающих.

Особенности развития темы дружбы в литературе для детей попыталась проследить пятиклассница, прочитав повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», Валентины Осесовой «Васёк Трубачёв и его товарищи», Владислава Крапивина «Трое с площади Карронад», «Ковёр-самолёт», «Лётчик для особых поручений», Сергея Сухинова «Клад и крест», «Утраченная реликвия». Писатели показывают образцы для подражания: истинные друзья готовы прийти на помощь, поддержать советом, делом, помочь преодолеть страхи и неуверенность. Пятиклассница по итогам опроса среди одноклассников выявила, что школь-

ням детям посмотреть со стороны на свою зависимость от виртуального пространства. Восмиклассница в исследовательской работе изучила тему вовлечённости школьников в мир гаджетов и компьютерных игр, прочитав повести Тамары Крыковой «Ловушка для героя», «Гений поневоле», «Призрак сети», Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее». Писатели ярко, захватывающе показывают юному читателю последствия, которые ожидают человека, погрущённого компьютерным миром, предостерегают подростка от опасностей, которые таятся за чрезмерным увлечением виртуальным общением, объясняют значение реального общения с радостями встреч, с преодолением трудностей, подлинной дружбой.

С учениками старших классов при чтении литературы обращаемся к серьёзным вопросам. Деятиклассница — возможно, будущий журналист — брала интервью у детей Великой Отечественной войны на Театральной площади 9 Мая 2013 года. Кто-то из них был в оккупации, кто-то работал в тылу, кто-то был сыном полка. Потрясающая услышанная от тех, кто ребёнком пережил войну, школьница весь последующий учебный год работала над проектом «Дети войны», прочла много интересных книг: «Сын полка» Валентина Катаева, «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина, «Облачный полк» Эдуарда Веркина, «Дети блокады» Михаила Сухачёва, «Девочка из города» Любови Воронковой, «Беги, мальчик, беги» Ури Орлева...

Обозначив некоторые темы из тех, что мы поднимаем со школьниками при чтении современной детско-юношеской литературы, отмечу, что от индивидуальной работы учителя с учеником над проектом, от работы с частью класса зависит многое в формировании личности ребёнка. Когда учитель и ученик обсуждают прочитанное, вместе думают над решением общечеловеческих проблем, поднятых писателем, возникает удивительного свойства общение. Обычно дети, прошедшие через чтение и обсуждение книг с учителем, лучше усваивают предмет, свободней, уверенней себя чувствуют на уроках, лучше владеют устной речью. И для меня радостным подтверждением большого значения чтения современной детско-подростковой литературы с учениками 5–9-х классов стали письменные работы ребят на тему «Моя любимая книга» в конце учебного года. Внятные, логичные сочинения детей с попытками осмысления философских вопросов о смысле жизни, о добре и зле радовали и вдохновляли. Ученики 9-го класса хорошо справились с сочинениями и изложением на ОГЭ по русскому языку.

У привыкших к чтению, работе над художественным текстом старшеклассников нет страха перед большим объёмом произведения, пробуются вкус к слову, чувство прекрасного. Безусловно, книги читают не все мои ученики, но те, которые заинтересовались чтением, вселяют надежду: с любыми испытаниями, будь то ЕГЭ или необходимость решения жизненных задач, они справятся. Надеюсь, что справятся честно, потому что с помощью чтения и обсуждения детских книг они не только овладели хорошей устной и письменной речью, но и научились ответственности и трудолюбию.

Ольга БРЮХАНОВА,
кандидат философских наук,
учитель школы № 947,
МОСКВА

Джон Грин.
Бумажные города. — М.: РИПОЛ классик, 2014. — 320 с. — 4000 экз.

Спрашивается, зачем мы рекомендуем в «Словеснике» эту подростковую книгу популярного американского автора о том, как юноша, в день своего школьного выпускного, едет искать сбывшуюся одноклассницу, с которой давно дружит и которую безответно любит? Дело в том, что девушка оставила молодому человеку знак, как её можно найти. И это указание — потрапанный библиотечный том стихов знаменитого американского поэта Уолта Уитмена «Листья травы» (середина XIX века). Прекрасно то, что речь идёт не о шифре, который механически введён в книгу, — нет, юноша должен именно прочесть эти стихи (получится так, что и не один раз), интерпретировать их, попытаться понять так, как понимала его подруга, увидеть поэзию Уитмена её глазами. И тогда он разгадает тайные страхи девушки и даже то место, в каком она пытается укрыться. Возможно, что на этом пути он разочаруется в своей первой любви. Но зато узнает её истинную натуру, что оставляет надежду на взаимопонимание, — и дарит эту надежду ожившая для молодых людей классика.

Сергей Алексеев.
Сорок уроков русского. — М.: Стрга Севера, 2013. — В 2-х томах. — 15 574 экз.

Эту книгу, замечательно спорную, никак нельзя назвать строгим руководством для учителя-словесника. Возможно, читатель не согласится в ней ни с единой строчкой. А может быть, воспримет как откровение. В ней сплетены мотивы исторические и фольклорные, лингвистические и этнокультурные, и рассуждения Алексеева — писателя-охотника, писателя-деревенщика — о славянской языковой общности и древних словарных корнях можно примитивизировать, но это будет бездарное упрощение. Пожалуй, даже те, что пренебрежительно отринут его языковедскую аргументацию, не смогут отрицать, что с поэтической точки зрения системный во выстраивает красивую и чёткую. Понятия претекают одно в другое, созвучия обретают смысл, между словами открываются удивительные связи. И даже если эта книга не будет полезна учителю русского языка, она, пожалуй, пригодится учителю литературы, заинтересованному в небанальной и глубокой интерпретации русского художественного слова.

Людмила ДУДОВА,
председатель
Координационного совета
Всероссийской ассоциации учителей
литературы и русского языка

УГОЛ ЗРЕНИЯ

О качестве чтения

В последние годы мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: в школу приходят дети, которые умеют складывать слова. Родители, преисполненные гордостью по поводу достижений любимого чада, успешно окончившего ближайшую «школу раннего развития», уверены, что хотя бы с одним предметом — «чтением» — у ребёнка проблем в школе не будет. И нередко ошибаются. Почему? Да потому, что чтение — это не просто складывание букв в слова, слов в предложения и так далее. Это прежде всего умение работать с информацией, интерпретация смыслов.

До настоящего времени и, очевидно, в ближайшее время именно текстовая форма передачи информации будет преобладать. В основе многих визуальных видов искусств тоже лежит текст. А значит, необходимо изыскивать все возможности для повышения мотивации учащихся к чтению, тем более повхастаться нам в этой области, к сожалению, особенно нечем. Высокие показатели международных измерений качества чтения PIRLS 2011 года (чтение младших школьников, 2-е место сре-

ди 49 стран) не должны нас обольщать. В начальной школе родители ещё проявляют заинтересованность в качестве чтения своих детей, стараются как-то поддерживать этот интерес. Большое внимание работе именно с младшими школьниками уделяют в школьных и детских библиотеках, потому и результаты пока вполне достойные. Немаловажно, что учителя начальных классов обучают методике чтения.

Но ситуация с качеством чтения среди старшеклассников очень тревожная. По исследованиям PISA, проводимым среди старшеклассников, наша страна находится в промежутке между 38–40-м местами. Впереди Финляндия, Япония, Германия, Чехия, Венгрия. В чём причины? Их много. Это понижение мотивации к чтению, так как у старшеклассников появляется много других возможностей получения информации: визуальной в первую очередь, огромная загруженность в школе, утрата «моды на чтение», сокращение уроков литературы, исключение уроков внеклассного чтения... Одна из главных причин: учителя-предметники плохо владеют методиками и стратегиями чтения,

в вузе их этому не учат. А жаль! Один словесник не в силах сформировать устойчивые навыки качественного чтения у своих подопечных. Он ведь работает в основном с определёнными текстами — в первую очередь художественными, публицистическими, научно-популярными. Согласимся, что это не весь арсенал текстовой информации, с которым приходится сталкиваться ученикам в основной и особенно старшей школе.

Доказательством неблагополучия в области овладения чтением как видом учебной деятельности являются и результаты ЕГЭ по русскому языку 2014 года, ибо они показывают, что большое число выпускников не справляется или справляется с трудом с заданием части С, которое в основе своей построено на проверке умения читать и интерпретировать текст. Это ещё один повод говорить о том, что требуется поиск таких форм повышения мотивации к чтению, которые были бы интересны и доступны детям, носили соревновательный характер.

Думается, что с введением новых Федеральных государственных образовательных стандартов для школы сло-

жились объективные условия для проведения Всероссийской олимпиады для школьников по чтению. Мы не раз уже говорили о необходимости такой олимпиады и всегда получали ответы «Такого предмета нет в школе» или «Такого предмета нет в перечне вступительных испытаний в вуз». Конечно, можно возразить, что есть предмет «литературное чтение» в начальной школе, что есть теперь требования не только к предметным, но и метапредметным результатам, что без умения читать, а не просто проглатывать буквы глазами и переворачивать страницы невозможно чтение вообще, а уж овладение профессией — точно. Попробуйте решить задачу, не прочитав её условие, написать сочинение, не прочитав произведения...

Как человек с огромным опытом проверки школьных экзаменационных работ могу заметить: у наших выпускников большую трудность вызывает определение проблемы в предложенном тексте, то есть самого главного, что есть в тексте. Может быть, именно из-за несформированности навыков работы с текстами, несущими большую смысловую нагрузку, отличающимися сложной композицией, мы видим серьёзное падение эстетических параметров в формировании круга чтения. Страх перед текстом, его объёмами, структурой (например, большие

проблемы у наших детей возникают при работе с таблицами, схемами, графиками, текстами поэтическими и драматическими), неумение его преодолеть убивают желание читать и учиться. Покорение читательских монстров требует усердия и тщательного продумывания маршрута. Олимпиада по чтению должна предусматривать соревнование в качестве чтения, то есть умения извлекать и интерпретировать информацию, представленную в разных текстовых форматах, речевых жанрах, на разных носителях. Она не в коей мере не дублирует олимпиаду по литературе, ибо ориентируется не на выяснение филологических наклонностей учащихся, а на измерение уровня сформированности читательских навыков, качества читательской деятельности. Всероссийская олимпиада по чтению может стать первой метапредметной олимпиадой школьников. А почему бы и такой олимпиаде не быть? Олимпиада по чтению могла бы стать полем вращивания читателя, которому жить и работать в условиях информационной цивилизации.

СОБЕСЕДНИК

«Мы вступили в новую эру, но этого пока не поняли»

Окончание. Начало на стр. 1

Я бы, конечно, хотел, чтобы с детьми поступали так, как поступили со мной. В десятом классе я оказался у Феликса Александровича Раскольниковца. Он тогда плюнул на всё, что тогда было даже ещё более обязательно, чем сейчас, плюнул на все программы и занимался с нами «Войной и миром» шесть месяцев подряд. Я был бы счастлив, если бы для всех детей России нашёлся такой Феликс Александрович. Но я твёрдо знаю, что в современных условиях он не пережил бы первой проверки методического центра.

— Не так давно министр образования Дмитрий Ливанов сказал, что при оценке сочинений на грамотность обращать внимания не нужно, что, когда ученик при написании сочинения боится допустить ошибку, это скрывает его способность к самовыражению. Действительно ли, так уж нужно последовательно проверять грамотность?

— Люди также могут ходить по улицам без штанов, чтобы это не мешало их самовыражению... Слова министра показывают, что в Министерстве образования вообще не понимают, зачем в школе изучают русский язык. С их точки зрения, русский язык изучают, чтобы сдать экзамен, а не для того чтобы грамотно на нём общаться, изъясняться. Люди, как правило, не понимают, зачем министр сказано эта фраза. Сказана она с тем, чтобы

избежать скандала. Страшный скандал был на ЕГЭ в этом году, когда им пришлось задним числом снять планку, чтобы без аттестатов не осталась четверть выпускников. Теперь они будут думать, как, ничего не предпринимая по сути школьных проблем, избежать скандала в году следующем. Сочинение им не нужно, им его навязал Путин, они пытаются минимизировать возможные для себя угрозы от выпускного сочинения.

— Что сами родители учеников могут — и может быть, даже должны — делать в помощь учителю словесности?

— В этой сфере родители должны не учителю словесности. Если у тебя растёт ребёнок, ты обязан сделать так, чтобы он читал. И нет на свете способа приучить ребёнка к чтению, если не читаешь ты. Так же, как нет на свете способа приучить ребёнка умываться, если ты не умываешься... Читая ребёнку вслух каждую свободную минуту. Води его пальцем по строчкам. Человек, не умеющий много читать, не научится ни говорить, ни думать.

— Это для своих детей. А для чужих? Ведь невозможно воспитывать детей в вакууме...

— Вот это уж точно зависит от дарования. У меня есть знакомые люди, которые приходили в класс, где учатся их дети, устраивали там самодеятельный литературный театр, костюмированные чтения по ролям... дети были от восторга! Дети любят, когда с ними занимаются. Но это не всякий может. Это должен быть, во-первых,

человек с очень большим азартом, во-вторых, с очень серьёзным терпением. А азарт и терпение уживаются плохо. Чем больше неопытный человек загорается вначале, тем быстрее он гаснет. А человек, у которого есть терпение, но нет азарта, детей не зажжёт. Но научить своего ребёнка читать, если ты сам читаешь, — это твоя первая обязанность.

— Грядёт двухсотлетний юбилей Лермонтова. Как воскресить Лермонтова для современных детей?

— Лермонтов для мальчишек в тринадцать-пятнадцать лет не надо воскрешать. Ты прочти им три стишка... Он же вот, готов! Это ж тот самый захлёстнутый потоками гормонов юнец... оперная страстность... какие тут могут быть проблемы?

Гораздо труднее его для взрослых сделать актуальным. Как-то у нас вышла из оборота простая мысль, что один из бриллиантов русского слова — «Герой нашего времени», мы плохо понимаем его место в развитии большой русской классики... мы мало о нём думаем. Самое бы время что-то о нём заново сказать.

— Александр Николаевич, сейчас популярна точка зрения, что язык — это саморегулируемая система, не нуждающаяся в защите «от нас, носителей языка». Так ли это?

— Никакая аналогия не доказательство, но, на мой взгляд, точной будет аналогия вот какая. Природа — тоже саморегулируемая система, причём

несопоставимо более надёжно саморегулируемая, чем русский язык. Поэтому зачем нам вывозить мусор? Природа разберётся, он сам разложится, что надо просочится в грунт, разветвится по ветру... так зачем мы вывозим мусор и боремся с промышленными выбросами? Ведь природа всё утрясёт. Но как утрясёт? Сначала вымрут целые города, и лет через семьсот-восемьсот исчезнут следы нашего существования... Вот это — точная аналогия. Должны быть жёсткие службы языка, академический институт, регулярно издающий нормативные словари. Должны быть простейшие гигиенические меры. Они у нас всегда были. И более того: последний гигантский глоток англицизмов мы уже почти переварили. А вот абсолютное разбиевание азав грамотности стоит гораздо дороже. Грамотность должна насаждаться и охраняться; то и другое должны делать профессионалы. А разговоры про то, что язык стал другой... может быть, и стал, но гораздо менее другой, чем кажется. 99% книг, изданных в XX и даже XIX веках, сегодня минимально грамотным человеком читаются без особых затруднений.

— А каково значение русского языка для государства?

— Когда в 91-м году распался СССР, у нас остался козырь, за который, например, Британская империя заплатила сотнями тысяч жизней и гигантскими деньгами. Наш язык был ключевым рабочим языком в массе близлежащих стран. Это-

го козырь больше нет — точнее, в значительной мере нет. Конечно, приятно думать, что поскольку русский язык, несомненно, относится к числу великих, сам тот факт, что нам при рождении повезло его получить, даёт нам какие-то специальные преимущества... но это неправда. Для того чтобы это преимущество разумным образом использовать — надо работать. Для того чтобы русский язык оставался языком не только общения черезграницного, но и рабочим языком соседских элит — надо было что-то делать. Почему, например, мы не могли соседям сделать именно русский язык их новой юриспруденции, их государственного строительства, когда они этим занялись? Почему не спонсировали простейшие общественные движения русскоязычных? Почему мы вообще ничего не делали? Последствия такой неразумной политики с каждым годом всё более очевидны, в том числе и внутри самой России.

Мы вступили в новую эру, но этого пока не поняли. Вопли по поводу пармезана показывают, до какой степени люди пока не поняли, что они вошли в новую эру. И в этой новой эре придётся многое поменять. В том числе, я очень надеюсь, мы сумеем разумно поменять гуманитарную политику, образовательную политику. Настолько жёстко изменились внешние условия, что придётся к ним приспособляться. Я считаю, что это шанс.

Беседавала Татьяна ШАБАЕВА

АЛЬТЕР ЕГЭ

Записки эксперта ЕГЭ по литературе

ЕГЭ этого года остался позади, все внешние «бури» давно улеглись, а происходящее и обсуждаемое не даёт покоя. И всё же я решил поделиться своими наблюдениями. Работа экспертом ЕГЭ по литературе уже много лет, в работе апелляционной комиссии принимаю участие только третий год, а так целых 18 лет преподаю в самой обычной общеобразовательной столичной школе и в одном из московских вузов: готовлю абитуриентов к ЕГЭ по литературе. В этом году в Москве после апелляций ЕГЭ по литературе разгорелся скандал. Апелляционную комиссию обвиняли в некомпетентности, в специальном занижении баллов московским ученикам и даже в сознательном препятствовании москвичам поступать на гуманитарные специальности в московские вузы. Скажу честно: я очень болезненно переживаю всё, что связано с отечественным образованием, моей работой, ЕГЭ. Сразу писать не решилась, чтобы во мне не говорилось обида, а вот теперь, спустя время, могу поделиться впечатлениями и о самом ЕГЭ, и о том, что же происходило вокруг.

Я как учитель готовлю к ЕГЭ по литературе много лет. Занимаюсь с разными учениками: теми, кому нужен лишь минимальный «проходной», и теми, кому нужен высокий «конкурсный» балл. Любой экзамен — это стресс, на нём возможен срыв, возможно неведение, возможно и не совсем аккуратная проверка. Почему же скандал разгорелся именно в этом году?

В этом году процедуру ЕГЭ попытались сделать максимально прозрачной благодаря камерам. Но как учитель могу, к сожалению, сказать, что почти все выпускники этого года надеялись на «сливы» заданий, как в прошлом (работая на курсах, я имею дело с учениками разных школ Москвы и вижу разносторон-

ную картину), и готовилось большинство спустя рукава. ЕГЭ по литературе был первым в этом году среди экзаменов; мало того, небольшой «слив» отдельных заданий некоторых вариантов в неточной формулировке всё же был. И все московские учителя об этом знали и накануне экзамена прорабатывали с детьми. Интересно, что именно проверка этих заданий и вызвала бурю недовольства. Дети пришли на экзамен, уверенные, что все задания им известны, и вдруг увидели другие задания или другие формулировки...

Каждую работу независимо друг от друга проверяют два эксперта. Потом баллы сопоставляют: если расхождение в один балл в задании — ставится в пользу ученика, если большее расхождение — смотрит третий эксперт. Вроде всё должно быть объективно, но выходит иначе. Во-первых, сорок работ в день для проверки — это очень много. Эксперты работают с 10 утра до 7–8 вечера. Глаз «замыливается». Если первые двадцать работ проверяешь внимательно, аккуратно, то потом начинает сбавляться усталость. На проверку контрольных работ и сочинений в течение учебного года даётся три рабочих дня, чтобы проверять внимательно и не спеша. А здесь при такой ответственности от эксперта требуют проверки на скорость большого количества работ. На мой взгляд, чтобы разгрузить проверяющих, следовало бы дать им дополнительно один-два дня.

Теперь об апелляциях. Каждый год это очень морально тяжёлая процедура. Перед тобой работа ребёнка, проверенная двумя или тремя коллегами. И надо решить, насколько они были объективны в оценке. При этом перед тобой сидит ребёнок, с конкретной судьбой, эмоциями, запросами и слезами. И эксперт испытывает огромное давлени-

е с разных сторон: с одной стороны, всегда хочется помочь ребёнку и найти, за что поднять, с другой стороны, всегда пытаешься найти объяснения баллам, потому что задаёшься вопросом: вдруг это ты чего-то не видишь и не понимаешь, что увидели и поняли твои коллеги. При этом есть дети и родители, которые откровенно пытаются давить на эксперта, заставить его поднять балл любой ценой. Но всё-таки у ребёнка всегда был шанс попробовать что-то доказать эксперту. Что же произошло в этом году?

Апелляцию в Москве решили сделать электронной, то есть заранее (в воскресенье) экспертам выдали по 48–64 работы на день (!), и два эксперта сообщали должны были проверить эти работы, решить, кому поднимают баллы, кому нет, и заранее заполнить ведомости: удовлетворить апелляцию или отклонить. Сделали это вроде ради объективности: чтобы не сработывал фактор «жалко ребёнка», чтобы на экспертов не «давили» родители и чтобы апелляция не затягивалась до ночи, как было в предыдущие годы. Но получилось, к сожалению, обратное. Проверка такого количества работ затянута до 11 часов вечера и продолжилась у некоторых рано утром до апелляции. Кто-то начинал проверять быстрее и менее внимательно, так как дома остались одни маленькие дети. К тому же оказались упущены главный фактор: ученик! Его возможность объяснить, что он хотел сказать! Интересно, что на апелляции сразу видно, что действительно глубоко знает материал, а кого «натаскал» учитель или репетитор на то, что говорить комиссии. Впоследствии экспертов обвинили в том, что им не разрешают поднимать баллы. Но это неправда! Экспертов призывают к объективности, и все повышения или неповышения остаются на совести

каждого конкретного эксперта. Нас упрекали, что больше трёх баллов мы не поднимали, но и это неправда. В работе комиссии были примеры, когда выпускникам поднимали на четыре и пять баллов. Упрекали, что эксперты, даже видя на апелляции, что не правы, не поднимали балл, так как ведомости были уже заполнены. Но лично у меня было два случая, когда на самой апелляции после убедительного доказательства ученика и очередного пересмотра работы я подняла баллы и исправила ведомости с разрешения председателя конфликтной комиссии. В прессе и соцсетях я слышала лишь огульные обвинения — «все эксперты не поднимали баллы», «круговая порука» и т.д. Больше всего то, что, возможно, кто-то так себя и вёл: всегда есть человеческий фактор, но это именно частные случаи.

Хотелось бы поделиться ещё вот какими наблюдениями. В интервью, которое дал «Ленте.ру» С. В. Волков, претензии к экспертам ЕГЭ были сформулированы так: «А ещё есть ощущение, что ребята с сопоставимым уровнем подготовки из регионов получили более высокие оценки [чем москвичи]. При такой постановке проблемы получается, что важна не объективность, не честная проверка, а процент, который должна получить Москва. И вот здесь я должна констатировать достаточно неутешительную для москвичей картину. Я часто сталкиваюсь с тем, что у ребят, которые приезжают в Москву из регионов, крепче знания, большая работоспособность, но постепенно они поддаются влиянию столичной жизни, и энтузиазм к обучению у них нередко падает. Но приезжают они с отличными знаниями, и на ЕГЭ регионы могут эти знания продемонстрировать. Во вторую волну ЕГЭ мне повезло проверить работы ребят из Севастополя. Эти севастопольские

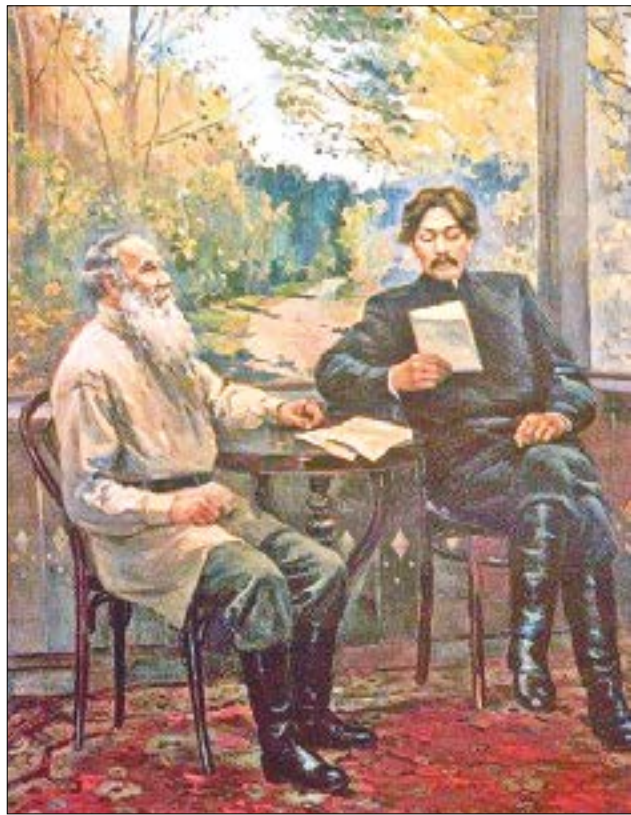
работы были, может, не самые сильные, но их отличала от московских искренность и «незаштампованность», хотя писали они, ориентируясь на те же самые критерии ЕГЭ. Это ещё раз подчёркивает, что беда не в заданиях ЕГЭ, не в критериях, которые якобы мешают творчеству, а в заинтересованности учеников и учителей учиться и учить.

И. И. Калина порекомендовал на апелляции добавлять балл в пользу ребёнка во всех спорных случаях, но здесь я позволила себе не согласиться с высоким начальством. Важно не просто добавить балл в пользу ученика, потому что балл ему нужен и ученика жалко, а потому, что это объективный балл, «украденный» при проверке. И жить потом эксперту с недобавленным баллом (как выразился Исаак Иосифович) так же трудно, как и с «подаренным», так как в этом случае были ущемлены права других выпускников, которые честно поработали свои баллы.

Я совсем не считаю, что курсы Московского института открытого образования для учителей, как и репетиторы ЕГЭ для учеников — панацея от всех бед на ЕГЭ. Ирина Лукьянова назвала всех экспертов «государственными людьми», самой страшной проблемой образования, и самоустранилась по идеальным сообщениям от работы в комиссии ЕГЭ: «Воспринять своё обучение в МИОО у государственных людей или работу в предметной комиссии с государственными людьми я не в состоянии». Но гораздо проще устранились от происходящего и лишь со стороны клеймить недостатки, чем бороться с ними в процессе работы.

Вера КЛЮЧНИКОВА,
учитель русского языка
и литературы школы № 198,
МОСКВА

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Д.А. Налбандян. «А.М. Горький и Л.Н. Толстой в Ясной Поляне»

Чувковский сказал, прочитав эту книгу: «На старости лет Горького потянуло к краскам». Между революцией 1905 года и войной главный писатель показал, как в ребёнке зарождается и мучает бунтарь, Прометей. За это время ушёл Толстой — и Горький стал «главным» русским писателем — во влиянию на читательские умы, по репутации среди коллег — даже таких придирчивых, как Бунин. И повесть с нижегородскими мотивами воспринимали как программу властителя дум. От сравнений с «Детством» Толстого отмахнуться невозможно: две повести разделяет полвека, но главное, что авторы из разных созвездий. Горький почитал Толстого, но перечёркивал тольстовство. Воссоздавать в прозе реальные миры он не умел, Горький слагал песню, былинку, балладу о молодых годах героя, о его путях-дорожках. Когда Горький приходил в литературу — Лев Толстой создавал образцы русской прозы и драмы, превзойти которые невозможно: «Отец Сергей», «Смерть Ивана Ильича», «Живой труп». Горький не преодолел преклонения перед толстовским гением, но устроил суицидальный бунт против графа. Всё у него слишком ярко и громко, а уж о непротивлении злу насильем и речи нет. Для Горького правда — в поступке, от этой веры он не отступил, он — от мира сего.

Бурлацкая баллада

К столетию публикации горьковского «Детства»

Он не стеснялся неприглядной, постыдной правды — и собственное прошлое представил не в идиллическом духе. Впрочем, это не мемуары. Недоброжелатели да и просто ворчуны любили ловить Горького на недостаточности его героя: дескать, пролетарский писатель на самом деле совсем не из пролетариев вышел. Как будто это не художественная проза, а анкета по форме. Автобиографического в «Детстве» много, но побеждает мифологическое. И напрасно экранизацию повести назвали: «Детство Горького». Правда, картина у Марка Донского получилась первоклассная, и зазвучала в разных странах таинственная песня: «Город на Каме, где — не знаем сами...» Трудно её забыть, услышав однажды. Как и бабушку в исполнении Варвары Массалитиновой.

Горький любит людей суровыми, храбрыми, толстокожими, его восхищают сила, борьба. Показывает он их укрупнённо, пренебрегая полутонами, но от последних приговоров воздерживается. И на фоне Горького нынешние ежедневные проповеди что христианской духовности, что ньюйджевской политкорректности — это лицемерие, синтетика. Не продыхаться. Горький пропадает, когда торжествует меньшинство, когда проигравшие отсуживают привилегии перед победителями, когда сила и знание приправляют рекламе и сутяжничеству.

В «Детстве» Горький создаёт новый канон автобиографической прозы — натуралистичной, насколько эпатажной, энергичной, сердитой. Под его влияние попадут многие, правда, силушки горьковский никто не показал. «Детство» школьников пугает: путь молодого героя воспринимается как хождение по мукам. При этом Горький не позволяет себе жалобной ноты, всё принимает стоически и даже любит жестокостью мира. Зато безволие и смирение презирает.

Горького в последние годы разоблачали многократно, эти насюки давно вышли из моды, но всё равно то и дело мы слышим высокомерные рассуждения о «Буревестнике». Схему низвержения дал Чувковский в несправедливой, но остроумной памфлетной статье про ужа и сокола. Ругается Чувковский так заразительно и страстно, что, прочитав эту статью, можно влюбиться в литературу. А после Октября тот же Корней Иванович написал о Горьком статью пространную — куда более уважительную. Там главным образом про «Детство»: «Крест, как орудие убийства, — с этой Гоголевой познанием Горький, когда ему ещё не было восьми лет. В десять он и сам уже знал, что такое схватить в зрости нож и кинуться с ножом на человека. Он видел, как его родную мать была в гряд сапогом подлая, длинная мужская нога. Свою бабушку он видел окровавленной, её были от обиды до вечера, сломали ей руку, проломли ей голову, а оба его дёда так свирепо истязали людей, что одного из них сослали в Сибирь».

В детском мире Горького действительно хватает драк и невежества, но есть и вера в то, что искривления можно выправить, чумазых — отмыть, тёмных — выучить. Сегодня в ходу инертное: «Мир несовершенен, был таким и останется. И не нужно, да просто грешно строить «царство Божие» на земле». Ещё и про генофонд скажут нечто мудрёное, чтобы только не подниматься с икеевского гамака (раньше бы сказали — не слезать с печки). А Горький бросает вызов: если гордость и труд — это грех, булу грешником! «Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт всё-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

Такой бабушки в нашей литературе не бывало. Сказочницы примелькались, хранительницы традиций — тоже. А вот чтобы решительно шагнуть в огонь — это только у Горького. С такой же решительностью она пригнала Цыганка — подброшенного ребёнка. Это не «голубка дряхлая», никакая благодатной немощи. Сильной личностью Горький прощает даже набожность, видит в ней нечто языческое, нутряное.

Другое дело — дед. Повесть числилась по ведомству школьного чтения — и этого жестокого деспота многочисленные юные читатели ненавидели.

«В полдень дед, высунув голову из окна, кричал:

— Обедать!

Он сам кормил ребёнка, держа его на коленях у себя, — пожухнет картофеля, хлеба и кривым пальцем сунет в ротик Коли, пачкая тонкие его губы и остренький подбородок. Поко́рмив немного, дед приподнимал рубашонку мальчика, тыкал пальцем в его вздутый животик и вслух соображал:

— Будет, что ли? Али ещё дать?

Из тёмного ула около двери раздавался голос матери:

— Видите же вы — он тянется за хлебом!

— Ребёнок глуп! Он не может знать, сколько надо ему съест...

И снова совал в рот Коли жвачку. Смотреть на это кормление мне было стыдно до боли, внизу горла меня душило и тошнило».

Но и у дёда есть своя правда! Сколько преступлений совершают Агамемнон или Одиссей, но всё равно они герои. И Каширин такой вот сребролюбивый Агамемнон — эпически порочный, но не Злойей Злодейки. Мальчишка «вырабатывает характер», когда бунтует против дёда, когда скрипит зубами от стыда и ненависти.

О мировоззрении Горького говорят стыдливо и не верят, что он и впрямь был и нищезаенцем, и коммунистом.

Мы рассуждаем о прошлом благостно, как сусальные отличники, а к Горькому со смиренными замашками не подступиться. Героика Горького богоборческая — это похищение огня, миф о Прометее, который восстаёт против несправедливости и решается на подвиг во имя будущего, осознавая, что наказание будет жестоком. Таков знаковый герой Горького, о котором слышали даже те, кто не заглядывает в книжки, — Данко. О том же его программный лозунг: «Безумству храбрых поём мы песню!»

Хрестоматийное изучение Горького приостановлено: даже на театральных афишах его имя появляется редко, хотя более актуального драматурга в наш вороватый век и вообразить невозможно. Но он изгой, и опреснению не поддаётся. Как бы выкручивались, получи Горький Нобелевскую премию? Чем меньше в мире читателей — тем важнее становится «нобелевская» репутация. Горького выдвигали многократно — наряду с Мережковским и Буниным, которые столь шумного литературного успеха не знали. Скандинавские академики порешили, что «нахаркские и часто совершенно сырые творения» Горького, «без сомнения, никоим образом не вписываются в рамки Нобелевской премии», хотя эксперт по русской литературе, профессор Йенсен и дал высокую оценку роману «Мать». Слишком уж строги к русским писателям нобелевские эксперты, к тому же Горький даже в самые его фронтёрские по отношению к советской системе времена считался (и был!) «красным» — а таковых викинги побаивались.

В Москве, на площади Белорусского вокзала, больше нет памятника Горькому. Он исчез лет десять назад, когда начиналась реконструкция автострады. А ведь Горький там стоял неслабой: здесь его встречали при возвращении на Родину. Встреча эта так запомнилась, что и главную улицу Москвы назвали именем «пролетарского писателя». Горький для этого московского перекрёстка — гений места. Авторы памятника — Иван Шадр и Вера Мухина — художники, близкие по духу автору «Детства». Многого сошло в этой сутоловой бронзовой фигуре. Когда улице вернули старое название — мы не взбунтовались, Тверская так Тверская, но с какой стати убрали памятник? И почему мы не удивляемся, что именно Горького убрали? Ведь он говорит: «Работа всегда дороже денег» — а это поучение на нынешнюю Тверскую. По счастью, в Нижнем Новгороде, на Ильинской улице, сохранился музей детства Горького — один из лучших в мире литературных музеев, — в котором нас окружает обстановка «Детства». И в воссозданном доме дедушки Каширина по-прежнему скрипят полы.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ДО САМОЙ СУТИ

Невыносимый

Окончание. Начало на стр. 1

Все «научные» попытки зафиксировать подобные моменты тщетны, ибо гений и сам не знает, когда на него «накалит» мирной / И образов иных существование», которые мы почти бездумно и привычно называем «вдохновением». Откуда оно посылается и куда потом исчезает? Ответа нет! Чуждый — и неавистый — к чуждому таланту В. Розанов говорил, что Лермонтов присутствовал при сотворении мира. Эта метафора, может быть, исчерпывающе объясняет «трудозатраты» творчества. Стоит ли удивляться, что одноклассники не разглядели за лермонтовской байронической маской его нечеловеческую ранимость и беззащитность? Молодость вообще достачитно жестока, а к другому, непохожему — двойне.

Не существует даже сколь-нибудь согласованного портрета поэта. Ф. Боденштедта привлекла «гордая, принуждённая осанка, средний рост и необычайная гибкость движений», «белокурые, слегка выходящие по обеим сторонам волосы», «красиво очерченные губы». Художник М. Меликов писал о Лермонтове: «приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом». П. Вистенгоф, вольнослушатель Московского университета в 1831–1832 гг., Лермонтова терпеть не мог и увидел его «неприветливый, насковье пронизывающий взгляд». И. С. Тургенев оставил такое описание: «вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас созвала всякий». Эта «мощь» отпугивала современников, но не меньше пугает и «надменных потомков».

Забелла называл Лермонтова «кормящим» и сознавался: «Помимо его безобразия, я видел в нём столько злости, что близко подойти к такому человеку мне казалось невозможным, и я струсил».

То же и с характером. Белинский искренне считал Лермонтова пошляком и с высокомерием, до которого и адресату было не допрыгнуть, заявлял, что «ни разу не слышал от него ни одного дельного и умного слова». Можно подумывать, что всякий поэт так и сыплет незабываемыми афоризмами! Но ведь Лермонтов многожды недвусмысленно высказался и на эту тему:

*И звук высоких ощущений
Он даёт голосом страстей.*

Иван Панаев писал (вполне справедливо), что Лермонтов «был любим очень немногими, только теми, с которыми был близок, но и с близкими людьми он не был общительным», и добавлял беспощадно: «Он непременно должен был кончить так трагически: не Мартынов, так кто-нибудь другой убил бы его».

что статистическому человеку вынести его было невмощю. Автомиф, который Лермонтов творил без передышки, тянется за ним, словно шлейф за кометой. Почему он выбрал миф с отрицательной, как теперь говорят, коннотацией? Думается, виной тому не только фрейдский контекст отсутствия матери («В младенческих летах я мать потерял») и тоски по отцу, которого Е. П. Арсеньева лишила возможности видеться с сыном. Мы совершенно не осведомлены в том, как формируется личность человека, которому суждён гиперсокращённый даже в сравнении со средним срок жизни. Если верить в предположение (а Лермонтов верил в него убеждённо), можно допустить, что все процессы в таком организме протекают с огромным ускорением, но и с колебаниями большой амплитуды. Раннее взросление перемежается с инфантильными проявлениями. Среди ровесников подобный человек чувствует себя то как академик в младшей группе детского сада, то как дедусовец в академии. В среде военной этот дисконформат сглаживается постоянным риском и ежeminутной близостью смерти. Там Лермонтова воспринимали менее болезненно, но тоже нельзя сказать, что безоговорочно.

Если верить легенде, что Лермонтов постоянно приближал собственную гибель (так это выглядело на сторонний взгляд), а на самом деле, повторим, твёрдо знал, что ему недолго предстоит находиться среди живых, многие его поступки, слова и взгляды становятся куда более понятными и даже логичными. Тем не менее биографам и исследователям Лермонтова приходится его постоянно оправдывать. Славянофил Юрий Самарин понял это раньше других. Ему мы и дадим последнее слово: «Пушкин не нуждается в оправдании. Но Лермонтова признавали не все, понятия немногие, почти никто не любил его. Нужно было простить ему».

«Я звук нашёл дотеле неизвестный». Простим хотя бы за этот невыносимо прекрасный звук, если уж не сумели понять!

Марина КУДИМОВА

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Можно ли изменить место встречи?

Василий Розанов писал на рубеже XIX и XX веков: «Учитель прежде всего готовит учеников к экзамену, за успешность которого он формально отвечает перед начальством, да и ответственность перед учениками». А посему «центр тяжести переносится на экзамене произошла встреча с знакомой и уже подготовленной темой».

Понимают ли в министерстве всё это? Да, понимают. Совет Федерации обратился к министерству и Рособразнадзору с предложением все экзаменационные материалы заранее помещать в интернете. И для ЕГЭ, и для ГИА: это ликвидирует торговлю экзаменационными материалами. Министерство ответило (цитирую по интернету), что это приведёт к появлению так называемых решебников. Ученики будут ориентироваться только на конкретные задания экзаменов вместо реальных знаний. А они должны учиться мыслить и быть способными рассуждать. Браво! Брависсимо! И даже сказано, что экзаменационные задания и реальные знания — это не одно и то же. Но, как говорил Чацкий, «ум с сердцем не в ладу». После того как на экзаменах 2014 года пришлось опустить плинтус ниже уровня пола, стало ясно, что самое главное — не просто честно провести экзамен, но провести честно и так, чтобы результаты были приличны. Это особенно трудно при сочинении, которое не писали годами. Увы, выбрали путь опасный, ложный, туликовский.

Сначала «общие определения экзамена»: «Речь идёт не о ещё одном обязательном экзамене по литературе, но о надпредметной проверке речевых компетенций, формируемых у школьников на большинстве изучаемых предметов (при определяющей роли, конечно, русского языка и литературы как учебных дисциплин). Такая итоговая письменная работа должна проверять способность выпускника создать развернутое, логически выстроенное высказывание по самостоятельно избранной теме, что предполагает, помимо всего прочего, изложение им своей точки зрения с опорой на литературные произведения и/или на произведения других искусств, знание исторических и культурных событий прошлого и настоящего, данных различ-

ных наук и отраслей человеческого знания».

Обратите внимание на то, что нужно изложить **свою** точку зрения, но при этом опираться лишь на **знания**. Но здесь нет самого главного: лично увиденного, пережитого, своего собственного жизненного опыта. Да и литературой пользоваться необязательно.

А ещё раз пересмотрел сборник сочинений дореволюционных гимназистов на, как они тогда назывались, «отвлечённые темы». Ни в одном ни одной детали реальной жизни. Так, парение словес, общегворение. Однажды после мониторинга (это репетиция экзамена) я сказал своему ученице: «Ты же так не ду-

ворить «нет»? Разве не обязательно говорить «да»?»

Доходит до безумия. Года три назад одновременно были даны среди других два текста. Об одном — рассказе Леонида Андреева про Русско-японскую войну — надо было написать, что война убивает всё человеческое в человеке. О другом — по отрывку из романа Юрия Бондарева — написать, что в войне раскрываются лучшие нравственные качества человека. Кому что досталось — тот то и писал.

Однажды при проведении экзамена я сплутал. Моей ученице, которая отлично занималась литературой, на сочинении стало плохо, и её увезла «скорая помощь». Оказалось, что у неё почечные колики. Из больницы она вышла за два дня до второго срока экзамена по литературе. Подготовиться за два дня было невозможно. Тогда я позвонил ей и сказал: «Приготовь 17-й билет, он будет лежать в нижнем ряду крайним справа».

ИТАР-ТАСС

На мой взгляд, нынешнее сочинение построено по этой же модели: за четыре месяца ученик знает, о чём он будет писать своё сочинение, и придёт на него с подготовленными вариантами. Снимаются все экзаменационные проблемы. Ты не читал «Преступление и наказание»? И не надо: его не будет на экзамене. Ты не открывал «Войну и мир»? Не беспокойся: её не будет. В спорте это называется «договорной матч».

Что же будет дальше? Очень возможно, что ни Куприна, ни Блока, ни Горького не будет. Вместо них — подготовка к сочинению. Этого будут требовать родители и сами ученики. Естественно, возрастёт спрос на репетиторов. Уже сейчас 85% выпускников сдают экзамены, обратившись к помощи репетиторов. Эти 85% — приговор и качеству нашего образования, и тезису о его бесплатности.

Через какое-то время народные умельцы выпустят книжки с десятками вариантов сочинений. И самое главное — интернет. Я посмотрел банк сочинений, открыл Лермонтова. Сочинения по всем произведениям. О качестве не говорю. Судите сами. Привожу лишь выписку.

«Моё знакомство с Лермонтовым

Однажды вечером несколько лет назад (мне было тогда лет семь) я стала читать сборник стихов Лермонтова. Там я нашла стихотворение, которое до этого ни разу не читала. Это была «Баллада...» Я сидела и не могла пошевелиться. Невероятное стихотворение, стихотворение, полное трагизма, кошмара и правды. Правды нашей земли, нашей истории. История России печальна, страшна и горька. Наша Родина много пережила за тысячу лет своего существования. И было именно так, как у Лермонтова в «Балладе»: герои росли на женских руках, вяла, как умирает их отец. Ещё дети, а в будущем герои. Герои, которые пусть не сейчас, пусть через века, но освободят Россию и отомстят за всех погибших, поработённых на войне. Я сидела, смотрела в одну точку. И в глазах у меня были слёзы. Я открыла для себя великого русского поэта Лермонтова».

Или: «Лермонтов в моей жизни Каждый любит своего Лермонтова. Я предпочитаю Лермонтова-поэта, певца Отчизны. Мне кажется, что он образно и доступно объясняется в любви к России, раскрывает глубину своего чувства. Поэт и гражданин, он страдал и переживал, искал ответы на наиболее злободневные вопросы, связанные с судьбой Отечества. Но отношение к Родине у него было противоречивым».

В этих «сочинениях» каждая строчка насыщена ложью. И особенно умилительно примечание ко второй теме: «Узнай, сколько человек из твоего класса списали это сочинение». Интернет оказался супероперативным: первую подборку двухсот семидесяти текстов новых сочинений я встретил уже 7 сентября.

Как будет проходить само сочинение? Не на чужом пункте, в собственной школе, со своими учителями, которые будут проверять и оценивать написанное, без камер слежения, без металлоконтроля. Но пусть даже будут наблюдатели. Я как-то сказал своей ученице, что у неё все примеры списа-

ны из интернета. «Нет-нет, — ответила она. — Я туда не заходила. Я всё заранее выучила наизусть». Сколько раз я видел таких учеников. Пусть всё будет чисто и честно — это ни о чём не говорит. Уж один-то комплект тем выучат, пронесут в голове.

Я предлагал в «Учительской газете» при проверке части С проверить так, как это делают я: с открытым ноутбуком. Конечно, так не сделали. И не сделают: ведь нам нужны результаты, успехи...

Тут ещё вот что. Как вы помните, самым главным аргументом для защитников ЕГЭ было выведение всех экзаменов из зоны субъективизма учителей. Вроде бы верно — особенно для сочинений по литературе, где доля субъективизма пишущего и проверяющего велика. И вот — всё назад. Учитель учит — учитель проверяет.

Весь год я слышу бодрое «ура-ура»: в школу возвращается сочинение. Вот тот рычаг, который позволит перевернуть преподавание словесности. Но будут ли способствовать темы сочинений этого года развитию интереса к литературе, заставят ли глубже разбираться в изучаемых в школе произведениях, заставят ли выражать **свои** мысли на бумаге? Думаю, что нет. Нас захлестнёт поток пустословия, штампов, безличности. Я знаю, что говорю. Я пять лет был председателем московской городской комиссии по проверке медальных сочинений и в другое историческое время членом окружной и городской медальной комиссий. И, может быть, для меня самое главное: неужели мы опять будем бросать образование всей страны в эксперимент, не проверенный в разных регионах и в различных типах школ, среди учителей широко не обсуждённый? Понимаю, что отменить сочинение уже невозможно. Но можно перевести его в режим всероссийского эксперимента без «зачёта» и «недочёта» с последующим анализом и всеобщим педагогическим обсуждением итогов.

Лев Айзерман

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман — поэт, учитель русского языка и литературы, автор многих статей и сочинений.

Лев Айзерман

Лев Айзерман

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Островский в современной школе

История разных поколений. В беседе школьники отмечают, что для развития человека нужно понимать, какова действительность, её качества, насколько она человечна, может ли человек брать у неё истинное человеческое, прививает ли ему эта жизнь, среда хорошие привычки, помогает ли воспитывать в себе нравственные качества. Ребята понимают, что в этом вечном движении, в борьбе за добрые отношения между людьми каждый из нас ответствен. В произведениях драматурга много света, юмора, теплоты, простора.

Увлечательно и интересно проходят уроки по драме Островского «Бесприданница». Именно в Шелькове драматург работает над «Бесприданницей». О чём думает он в тиши кабинета? Почему именно сейчас, когда ушла из жизни преданно любящая его женщина, обращается он к теме любви? Были ли сказаны нужные слова? Или сердце болело оттого, что опоздал их произнести? Что хотел нам сказать Островский? А газеты того времени наперебой: «Как измечтал талант нашего первого драматурга!», «О, Островский пережил свой талант!» Но почему так трогает «неудавшаяся пьеса», почему заставляет думать, плакать, волноваться? В чём тайна «Бесприданницы»?

Эти проблемные вопросы мы с ребятами пытаемся разрешить на уроке. Предварительное творческое задание к уроку: вы — журналист, приезжаете в город Бряжинов и, познакомившись с жизнью города и его обитателями, пишете очерк. Школьники отмечают, что Островский в деталях обрисовывает неторопливо идущую жизнь провинциального города на Волге. Пьеса посвящена изображению узкого круга — провинциальных дворян и дельцов, приспособившихся к европейскому образу жизни «чистой публики». Драма «Бесприданница» отражает конкретно-исторические условия, породившие Кнуровых, Вожеватых, Паратовых. Конечно, на уроке смотрим отрывки из кинофильма «Жестокий романс» Э. Рязанова, сцены из которого были сняты в Костроме.

Обычно названия пьес Островского — поговорки, пословицы, то есть фразы со смыслом: («Правда хорошо, а счастье лучше», «Сердце не камень», «Без вины виноваты»...). Даже в названии пьесы «Гроза» есть подтекст. В «Бесприданнице» на первый взгляд нет подтекста. Ну кто такая бесприданница?! Но во времена Островского слово «бесприданница» имело ещё одно значение: девушка с высокими моральными качествами, которой не требуется приданое. Разница есть, и по-иному звучит название пьесы, и мы задумываемся. Кто она, Лариса Огудалова? Что для неё главное: приданое? деньги? А может быть, что-то ещё? А загадки продолжают. Анализируя список действующих лиц, отмечаем, что Лариса — единственная, чья фамилия не указана. Почему? Чем она отличается от других? Приходим к выводу, что у Островского имена и фамилии говорящие («огудать» — обмануть) и героиня не вписывается в этот круг.

Итак, поднимается занавес. Что мы должны увидеть? (На доске эскиз декорации к драме.) Читая ремарку, находим художественные детали, которые нас поражают. Да, свобода, пространство, воля, но... за решёткой, там, вдалеке. А здесь... кофейня, здесь музыка, цыгане, вино, шум. И в этом мире живёт героиня. Что мы о ней знаем? Что делает Лариса в то время, когда все разговаривают... о ней? Но самое неожиданное — её первые слова. Я стараюсь направить внимание обучающихся на реплики действующих лиц, на манеру поведения. Когда человек приходит, логично сказать «здравствуйте», а первыми словами Ларисы в пьесе являются слова «до свидания». Почему? Ана-

лизирова первое действие, приходим к выводу, что героиня стоит на пороге жизни, она уходит, но куда? С кем она прощается? Слова «я на распутье» доказывают это. Какие же пути у Ларисы?

Работа над пьесой «Бесприданница» носит поисковый, исследовательский характер. Наблюдаем за жизненным процессом, за внутренним миром Ларисы через конкретные столкновения юной героини с разными людьми в различных обстоятельствах. Переживания её психологически тонки. Школьники улавливают, как нарастает в её душе необычайная острота лирического конфликта при воспоминании о Паратове. Лариса не скрывает от Карандышева, что продолжает любить Сергея Сергеевича. Ученики рассуждают, почему она любит именно Паратова.

Для выражения чувств героини Островский использует эмоционально-окрашенную речь. Эмоциональность достигается особым подбором слов, определённой интонационно-синтаксической их организацией. Сцены глубокого драматизма, огромного скопления эмоциональной энергии убеждают, что Островский не просто наблюдатель, не просто судья своего времени — это человек, осознающий ответственность за всё, что происходит в его стране, в его эпоху. Ребята говорят, что и сейчас довольно много людей, похожих на Кнуровых, Паратовых, для которых главное — деньги, расчёт, они любят только себя и своё благополучие, легко калечат судьбы людей. Очень важно сделать так, чтобы этих людей стало меньше. Как изменяется мода на одежду, можно изменить и моду на богатство, на взятки, на нечестность...

Актуальность сюжета ещё и в том, что многие девушки совершают безрассудные, опрометчивые поступки, которые могут привести к печальной судьбе, к трагедии. Пьеса заставляет задуматься над вечными вопро-

ми: Что нужно человеку для счастья? Что важнее: любовь или богатство? Есть ли настоящая любовь? Умирая, Лариса всех прощает. Согласны ли ребята с нею? Сознание спасительной силы христианской любви звучит в последних прощальных словах Ларисы.

На уроке звучат романсы из фильма. Своё настроение, впечатление от образа Ларисы Огудаловой прошу выразить в синквейне. Это небольшое произведение, которое составляется по определённым правилам: первая строка — существительное (которое обозначает объект). Вторая — два прилагательных (описание признаков и свойств объекта). Третья — три глагола (описание характерных действий). Четвёртая — фраза из четырёх слов (что вы думаете о данном персонаже). Пятая строка — существительное (выражающее суть объекта). Например, синквейн о Ларисе может выглядеть так:

Лариса
Поэтически одарённая, тонкая натура
Ищет понимания, любит, страдает
Испытывает горькое разочарование в людях
Гибель

В заключение урока предлагаю ребятам размышление: «Может ли драма искоренять пороки?» В качестве домашнего задания можно дать и такое творческое задание: «Пистолет Карандышева дал осечку. Какой могла стать судьба Ларисы в этом случае?»

Пьесы А.Н. Островского имеют общечеловеческое звучание. Школьники отмечают, что они затрагивают вечные темы: борьбы старого с новым, любви, греха, свободы человека, власти денег. Из этих творений поистине можно извлечь полезные уроки.

Для более глубокого и осмысленного изучения творчества великого русского драматурга был разработан учебный проект «Мир А.Н. Островского», где главный проблемный вопрос: современные ли пьесы Островского? Проект рассматривает учебные вопросы: Какова роль пейзажных зарисовок в пьесах? На одном ли языке говорят герои Островского? Каково значение «неужных лиц» (второстепенных персонажей) в пьесах Островского? Какова роль народных песен и русских романсов в творчестве Островского? Что нового привнёс Островский в русский театр?

Ученики ищут информацию в библиотеках, интернете, организуется поездка в музей-заповедник А.Н. Островского «Шельково», работники музея приезжают в школу с лекциями, школьники посещают спектакль по творчеству Островского. После обобщения материала ребята составляют презентации — отчёты о проделанной работе, выступают с докладами. В завершение проводится итоговая игра «Добрый гений русского театра».

Развитию интереса к творчеству А.Н. Островского, на мой взгляд, помогает и активное участие наших детей в различных муниципальных и региональных конкурсах, которые популяризируют театр, воспитывают художественный, эстетический вкус детей, реализуют их творческие способности.

Так, наши ребята становились победителями и призёрами областного конкурса юного актёра «Улыбайтесь, господа!» и театрального конкурса «Откройте занавес!», посвящённого 190-летию со дня рождения великого русского драматурга Александра Николаевича Островского.

Ольга СОБОЛЕВА,
учитель русского языка и литературы,
Клеванская школа,
КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ